

И.Н. ТРОФИМОВА

**ЦЕНТРАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ И САМОУПРАВЛЕНИЕ
НАЦИОНАЛЬНЫХ ТЕРРИТОРИЙ В РОССИИ:
ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ И СОВРЕМЕННЫЕ
ПРОБЛЕМЫ**

Отношения между центральной и местной властью в России всегда находились в тесной взаимосвязи с организацией территории, формированием общегосударственной политико-территориальной системы. Л.П. Карсавин, известный религиозный философ и историк конца XIX – начала XX в., считал территорию, наряду с властью и населением, основным элементом государства. Конвергенция этих элементов дает, по его мнению, не только определенный характер народа, но и определенный социально-политический строй [Карсавин, 1991]. Особое значение имели отношения центральной власти с территориями, населенными нерусскими этносами. История этих отношений состояла из насильственной экспансии и из различных форм сотрудничества с местным населением и национальными элитами. Соответственно, различной была и практика самоуправления в отдельных национальных территориях, отличавшаяся большей или меньшей степенью автономии и независимости от центра. Во многом данное различие сохраняется до сих пор и представляет собой важный фактор развития национальных территорий в современной России.

Взаимодействие центральной и местной власти способствовало формированию национально-территориальной политики Российского государства, где строгая централизация сочеталась с самостоятельностью местных сообществ и самоуправление не

противоречило самодержавию, а представляло собой обязанность, способ осуществления государева тягла, орудие государственной власти. Применительно к национальным территориям это означало сохранение традиционных элементов самоуправления в комплексе с религиозными, языковыми, культурными и хозяйственными особенностями местной жизни. Известный русский публицист В.В. Водовозов в 1905 г. отмечал, что за сотни лет своего господства над самоедами, гиляками, юкагирами и камчадалами Россия так и не сумела приобщить их к своей культуре [Водовозов, 2009, с. 518]. Многие из них умеют прекрасно самоуправляться, но они чувствуют себя совершенно чуждыми общерусской культуре и, несомненно, еще много лет будут чувствовать себя таковыми же. Прикладной характер местного самоуправления и отчужденность инородческих территорий от центра обусловили специфическую роль представительств центральной власти на местах, которая заключалась в более плотном хозяйственном, военном и культурном освоении новых территорий. Местная власть становилась «административным щупальцем» центральной власти и служила осуществлению государственной политики [Ross, 2008, p. 9].

Перспектива собственного национально-государственного строительства для нерусских народов России возникла в связи с активизацией национальных и демократических движений в начале XX в. Исследователи неоднозначно оценивают события этого периода, как и их последствия. Тем не менее образование национально-территориальных автономий в 20–30-х годах XX в., безусловно, способствовало более быстрому развитию народов, выравниванию социально-экономического положения территорий, подъему уровня жизни местного населения. Но самоуправление как национально-территориальная автономия не получило реального развития. Изначально предполагавшееся как переходная форма в условиях жесткой политической и идеологической системы, национально-территориальное самоуправление постепенно стало формальной структурой, одним из уровней в иерархической системе советских и партийных органов. Недооценка фактора этнического развития народов, волонтаристский подход к перспективам социально-экономического развития территорий, абсолютизация процессов интернационализации и централизация всех сторон жизнедеятельности республик явились одними из основных причин подъема нацио-

нального и общественного движения в конце 80-х – начале 90-х годов XX в. под лозунгами требования реального самоуправления и права на суверенитет. Советский период, так или иначе, способствовал обретению национально-территориальными автономиями опыта самоуправления, изменению отношений между центром и национальными территориями, признанию большей субъектности последних в политико-правовой, экономической и других областях жизни.

Дальнейшим шагом стало принятие деклараций о государственном суверенитете республик в 1990–1991 гг. Основные положения деклараций о суверенитете различных республик схожи; в них, прежде всего, провозглашается формирование собственной государственности, обеспечение свободного выбора языка, приоритетность республиканского законодательства. Декларации объявлялись основой для разработки новых республиканских конституций. Специфической особенностью этих документов стала степень притязаний на полноту суверенитета в составе Российской Федерации. Во многих декларациях было провозглашено верховенство конституции и законов данной республики над законами и конституциями Российской Федерации. Республики Коми, Саха (Якутия), Марий Эл, Калмыкия, Тыва, Кабардино-Балкария сохраняли за собой право на самостоятельный выбор своего национально-государственного устройства и самоопределения вплоть до отделения и образования самостоятельных государств. Отдельные республики стремились закрепить свой суверенитет с помощью референдумов – Татарстан, Бурятия, Саха (Якутия). Другим важным шагом национально-государственного строительства в республиках стали учреждение поста и выборы президента, формирование высших органов государственной власти.

«Парад суверенитетов» вынудил федеральный центр к поиску компромисса с руководством национальных республик и заключению в марте 1992 г. федеративного договора. Федеративный договор не был подписан Республикой Татарстан и Чеченской Республикой, а Башкортостан оговаривал самостоятельность в международных связях и ряде финансовых и правовых вопросов. Достигнутый компромисс отчасти способствовал ограничению влияния радикальных национальных движений. Подписание двусторонних договоров о разграничении предметов ведения и полномочий в

большинстве своем также являлось итогом встречных уступок и компромиссов между федеральным центром и национальными республиками. Уже с принятием Конституции РФ в 1993 г. обозначилась тенденция к выравниванию статуса субъектов Федерации через закрепление верховенства федерального законодательства, установление приоритета конституционных норм над положениями федеративного договора и двусторонними договорами о разграничении предметов ведения и полномочий.

Важным фактором стало и то, что идеи национального возрождения и суверенитета не нашли широкой поддержки населения республик. Проведенные в разные годы исследования свидетельствуют о том, что идея суверенитета в большей степени поддерживалась теми, кому это могло принести реальную выгоду, и не была связана с принадлежностью к титульной нации [Трофимова, 2008, с. 52]. Так, в Республике Марий Эл 43,8% руководителей разного уровня и 29,2% работников административных органов республики положительно высказались по поводу распада СССР и при этом отметили улучшение своего материального положения. Хотя в целом мнения относительно изменений, происшедших в республике после принятия Декларации о государственном суверенитете, говорят об обратном: «стало хуже» – 40%; «без изменений» – 19,6%; «и да, и нет» – 27,2; «к лучшему» – 2; затруднились ответить – 11,4%. Аналогичные результаты показал социологический опрос населения в Чувашской Республике в 1993 г.: 39,3% населения республики (среди них 42,9% чувашей и 33% русских) оценили изменения за период суверенитета как ухудшение.

Учитывая преимущественно негативные оценки преобразований, говорить о роли этнической мобилизации в становлении государственности национальных республик можно лишь с рядом оговорок. Во-первых, пик этнической мобилизации пришелся на очень непродолжительный период времени – 1991–1992 гг., от распада СССР и провозглашения суверенитета Российской Федерации до подписания федеративного договора. Во-вторых, степень этнической мобилизации различалась по отдельным национальным территориям и зависела от многих факторов – от наличия исторического опыта национальной государственности до актуализации внешних этнических и конфессиональных связей. Наконец, эффекты этнической мобилизации также оказались различными. Из всех

республик Татарстан успешно использовал этнический фактор для того, чтобы добиться автономии от центра. Влияние этнического фактора было огромным, но только на первом этапе, когда национальные элиты стремились закрепить за собой не просто автономию от центра, но повышенную автономию по сравнению с другими субъектами Федерации [Смирнягин, 2010, с. 55].

Как видится, только совокупность преобразований, включая национально-государственное переустройство Российской Федерации, реформы местного самоуправления и исполнительной власти, могла привести к усилению центробежных тенденций и сепаратистских устремлений национальных элит. Стремление этнических элит к представительству в органах государственной власти и органах местного самоуправления национальных республик, а также соперничество между ними по поводу установления политического контроля над теми или иными сферами жизненно важных интересов стали угрозой стабильности и целостности Российской Федерации. Но устремления национальных элит не могли создать такую угрозу вне определенного контекста. Центробежные тенденции являлись частью радикальной социально-политической трансформации, включая демократизацию общественной жизни, децентрализацию управления, деидеологизацию политики и разгосударствление экономики. Именно центр был инициатором этих преобразований, создав условия для того, чтобы региональные и местные власти стали всячески подчеркивать свою независимость от вышестоящего уровня.

С конца 1990-х годов окончательно закрепились прямо противоположные тенденции. Принятые в 1999 г. федеральные законы «О принципах и порядке разграничения предметов ведения и полномочий между органами государственной власти РФ и органами государственной власти субъектов РФ» и «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов РФ» положили начало процессу унификации принципов организации государственной власти и местного самоуправления во всех субъектах Федерации. Национальные республики по требованию центра стали приводить свои законодательства в соответствие с федеральными законами, снизилась актуальность проблем федерализма, местного самоуправления, межнациональных отношений и т.д. Тем не менее эт-

нополитический фактор продолжает играть важную роль в отношениях между центром и регионами. Несмотря на то что доля нерусских народов в Российской Федерации по сравнению с СССР стала значительно меньше (в СССР она составляла 55%, а в Российской Федерации – всего 17%), республики по-прежнему ассоциируются с титульной нацией. По данным переписи 2002 г., наибольшая доля титульной нации составила в Чеченской Республике – 93,5%. К республикам, где доля титульной нации составила более 50%, относятся Тыва, Ингушетия, Чувашия, Северная Осетия – Алания, Калмыкия, Кабардино-Балкария и Дагестан (с учетом основных коренных национальностей). Наименьшая доля титульной нации оказалась в Карелии (9%) и Хакасии (12%). Важным видится и то, что в экономически наиболее развитых республиках – Татарстане и Башкортостане – титульная нация составляет все-таки значительную часть – 53 и 30% соответственно.

Национальные республики можно условно разделить на три группы в зависимости от степени актуализации национального вопроса в деятельности органов республиканской власти и программах регионального развития. К первой группе относятся республики со слабо актуализированным национальным вопросом. Данные республики ориентируются прежде всего на решение таких важных вопросов, как сохранение и развитие традиционной культуры, народных художественных промыслов, поддержка региональных и местных национально-культурных автономий, изучение в образовательных учреждениях национальных языков и иных предметов этнокультурной направленности (например, Адыгея, Бурятия, Саха (Якутия)). Другие республики артикулируют собственную национальную политику с учетом перспектив развития социально-культурного потенциала коренных народов, подготовки и использования национальных кадров, адаптации мигрантов и т.п. (Чувашия, Карелия). Наконец, третья группа акцентирует внимание на целостности и неизменности территории и государственности республик (Татарстан, Чеченская Республика, Башкортостан).

Именно республики последней группы способны предъявить центру претензии в части отношения к проблемам федерализма, местного самоуправления, национальной политики, выступить против централизации управления и унификации регионального развития. Показательным может быть выступление президента

Республики Башкортостан М.Г. Рахимова на Втором съезде Ассамблеи народов Башкортостана в июне 2009 г. [Выступления делегатов., 2009, с. 4–17]. По его мнению, национальной политикой серьезно занимаются только в регионах. Федеральный центр, напротив, препятствует развитию национальной культуры и образования, преподаванию национальных языков и истории, освещению национальных проблем в СМИ и т.д., что могло бы стать действенной мерой против эскалации экстремизма и нацизма. Центру также предъявляются претензии в стремлении к реанимации унитаристских, имперских подходов, увеличению федеральных чиновников в республике, что ведет к неэффективности расходов, росту административных барьеров и т.д. Основная логика претензий к федеральному центру заключается в том, что признание Башкортостана в качестве одного из опорных, ведущих регионов страны, субъекта международного сотрудничества в разных сферах должно сопровождаться также учетом тех взглядов на решение актуальных проблем, которые предлагает республика. Игнорирование этого подхода, как и увлечение унитарными методами управления, чревато неизбежными системными кризисами.

Государственная национальная политика в Республике Татарстан строится на двух фундаментальных приоритетных положениях. Первое заключается в необходимости всестороннего развития татарского народа как государствообразующей нации и укрепления Республики Татарстан как исторически сложившейся формы его государственности. Второе направлено на обеспечение равных с татарским народом условий жизнедеятельности всех национальных общин и граждан, в совокупности составляющих многонациональный народ республики. При всем стремлении к сбалансированности национальной политики и ее практической эффективности тем не менее в республике отмечаются факты «наибольшего благоприятствования» лицам коренной национальности, например в сфере государственного управления или в занятии руководящих постов в некоторых отраслях экономики.

Башкортостан и Татарстан – одни из самых экономически развитых регионов. Из национальных регионов только эти республики являются экономическими и финансовыми донорами, а остальные – реципиентами помощи, перераспределенной центром. Валовой региональный продукт в 2008 г. равнялся 601 310,1 млн. руб. в

Башкортостане и 770 729,6 млн. руб. в Татарстане, что составило соответственно 2,1 и 2,7% от валового регионального продукта всех субъектов РФ в 2007 г. в текущих основных ценах [Росстат]. Для сравнения: валовой региональный продукт Москвы составил 24,5%, а экономически слабых регионов – сотые доли процента (Калмыкия, Алтай, Ингушетия, Тыва). В республиках с высоким уровнем экономического развития выше и уровень жизни. Так, удельный вес численности населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума в 2006 г., по данным Росстата, составил в среднем по России 13,3%, в Татарстане – 10, Башкортостане – 14,7%, в то время как в большинстве республик данный показатель около 20–30% (Мордовия, Чувашия, Марий Эл, Удмуртия, Хакасия, Бурятия), а наихудший – 57,4% (Ингушетия) и 48,7% (Калмыкия). Нельзя сбрасывать со счетов и другие факторы, влияющие на уровень жизни населения, – удаленность от центра страны, отсутствие развитой транспортной сети и социальной инфраструктуры и т.д.

Закономерным может быть вопрос: что общего между субъектами, находящимися в разных концах огромной страны, с несопоставимым экономическим потенциалом, с разной социальной и этнической структурой, культурой и традициями? При определенном положительном значении деполитизации этнического фактора унификация и централизация политики в отношении столь разных регионов не может быть признана окончательным и удовлетворительным вариантом решения этого вопроса. Предложение создать равноправные в правовом и экономическом плане новые регионы, развивающиеся в едином темпе, постепенная симметризация федеративной структуры [Доктрина регионального развития, 2009, с. 92], как и полный отказ от принципов федерации, могут рассматриваться прежде всего как теоретические перспективы. Стремление предельно минимизировать государственность субъектов федерации сегодня не может способствовать решению острых проблем в отдельных регионах: низкой продолжительности жизни в Тыве, высокой детской смертности в Ингушетии или вымирания деревень в республиках Поволжья.

Отмечая несомненно положительное значение достижения политической стабилизации в стране, следует признать, что федеральная власть оставляет нерешенными стратегические задачи,

рассчитанные на долгосрочную перспективу. Прежде всего, это относится к решению двуединой задачи – развития потенциала отдельных регионов и укрепления внутреннего единства страны. Государственная региональная политика предполагает целенаправленную деятельность федеральных и региональных органов власти по разработке и реализации приоритетных направлений развития субъектов Российской Федерации и муниципальных образований, направленную на комплексное, сбалансированное и обеспеченное ресурсами решение задач геополитического, демографического, социального, национально-этнического, экономического, инфраструктурного характера на территории субъектов Российской Федерации. Этнополитический фактор добавляет в решение этой задачи дополнительное измерение. Речь идет, во-первых, о противоречии между этнической регионализацией и объективной потребностью политической интеграции российского общества; во-вторых, о противоречии между равноправием, гарантированным Конституцией РФ, и фактическим неравенством региональных возможностей граждан разных национальностей в реализации своих потребностей, а также неравенством возможностей этнического развития, вплоть до отсутствия гарантий самосохранения некоторых малочисленных этнических групп [Паин, 2004, с. 78].

Реальной угрозой для территориальной целостности страны и российской государственности остаются межнациональные конфликты, стремление национальных элит к переделу территорий, к большему суверенитету и автономии от центра. Непосредственными источниками реальных угроз являются: сохранение этнотерриториальных автономий; углубление социально-экономического неравенства различных народов и этнических групп, проживающих на определенной территории; рост этнических перемещений, связанных с невозможностью или ограниченностью реализации своих потребностей на изначальной территории проживания; нарушение гражданских прав и свобод в отдельных регионах. Качество государственной власти в ряде национальных субъектах федерации отстает как от потребностей местного населения, так и от лучших образцов современного государственного управления. Исследования в отдельных регионах показывают, что деятельность органов государственной власти крайне медленно приобретает новые черты, адекватные современным задачам и требованиям, и да-

лека от современных технологий управления, основанных на взаимодействии власти и общества, открытости процесса принятия решений, гражданского участия и т.д. [Дзуцев, 2010]. Многие преобразования носят поверхностный характер. Более того, во власти развиваются негативные тенденции, которые снижают ее эффективность и авторитет. Одной из наиболее острых остается проблема коррупции. Порожденная социальной неустроенностью, безработицей и низким уровнем жизни, коррупция в республиках Северного Кавказа напрямую угрожает национальной безопасности страны и является фактом пособничества сепаратистам, на что неоднократно обращал внимание президент РФ Д.А. Медведев [Медведев, 2010].

Межэтническая напряженность может коснуться и вертикали власти. Исследователи отмечают недовольство действиями центра со стороны региональных и муниципальных органов власти, прежде всего отсутствием средств и недостаточностью полномочий для обеспечения жизнедеятельности на местах [Чирикова, 2010, с. 163]. Недовольство на уровне местных сообществ во взаимосвязи с другими причинами может стать дополнительным фактором в обострении этнополитической ситуации в любом субъекте Федерации – национальной республике или области. Поскольку большинство этнических конфликтов возникает на местном уровне, в повседневной жизни людей, именно региональные и местные органы власти оказываются более эффективными в урегулировании и предотвращении этих конфликтов, чем федеральный центр. Поэтому ограничение местного самоуправления как в ресурсах, так и в полномочиях, неспособность региональной власти решать насущные проблемы населения могут способствовать росту этнической напряженности.

Точка зрения, что территориальный принцип необходим в управлении, а культурно-национальный – в сфере развития самобытности тех или иных народов, справедлива лишь отчасти [Чернышов, 2009, с. 32]. Если реализация преимущественно территориального принципа ведет к игнорированию национальной культуры, ограничению сферы применения национального языка и традиций, тем более – естественной среды обитания, то этому нет оправдания. В нашей стране с огромной региональной дифференциацией *национально-территориальная автономия – один из немногих способов актуализации*

зации проблемы уровня и качества жизни населения данной территории, причем независимо от принадлежности к титульной нации. Конечно, питерцы и москвичи могут представлять интересы, например, Тывы или Марий Эл в Федеральном Собрании РФ. Но сомнительно, что они будут отстаивать интересы сельских жителей, получающих мизерную зарплату, или выступать против бесконтрольной вырубке лесов и т.д., просто потому, что они имеют слабое представление о специфике территории, особенностях жизни местного населения. Тогда как ресурсы местной власти для решения подобных проблем и в целом улучшения жизни населения чрезвычайно ограничены. Кроме того, как справедливо отмечает Н.В. Панкевич, ни одна из реформ государственного устройства – ни децентрализация политической системы 1990-х годов, ни восстановление вертикали власти в 2000-х годах – не внесла существенного вклада в решение проблемы неравномерности регионального развития [Панкевич, 2009, с. 37]. В условиях последовательно сменявших друг друга реформ региональная дифференциация в России только усугубилась.

Соотношение централизации и децентрализации не может быть произвольным. Сильное государство способно проникать в общество, регулировать социальные отношения, в определенном порядке извлекать и использовать ресурсы [Migdal, 1988, p. 4–5]. Напротив, чем больше региональная автономия, тем меньше способность центра проникать на периферию, мобилизовывать население и ресурсы для своих нужд. Автономия, взятая *de facto* региональными властями, может ограничивать способности центра достигать свои политические цели на периферии [Stoner-Weiss, 2001, p. 103]. В то же время отсутствие или чрезмерное ограничение автономии может быть не меньшей проблемой. Одинаково неприемлемы ситуации и когда слабая центральная власть не способна управлять страной, и когда одни регионы стратегически и последовательно откупаются от центра, а другие бедствуют [Stoner-Weiss, 2001, p. 133].

Ключевым фактором, который может обеспечить единство страны и решение основных и наиболее конфликтующих национальных проблем в условиях асимметричного федеративного устройства и многонационального общества, является обеспечение равных условий жизни для граждан, независимо от места их проживания. К сожалению, в последние годы ситуация продолжает

ухудшаться. Крайние диспропорции регионального развития отмечены не только по доле населения с доходами ниже прожиточного минимума, но распространяются на все сферы общественной жизни – в образовании, социальном обеспечении, здравоохранении. Как считают исследователи, в этом заключается парадокс, когда асимметричная федерация воспроизводится не в силу разнонаправленных стратегий регионов, что было характерно для 1990-х годов, а в силу специфики отношений между центром и отдельными регионами [Панкевич, 2009, с. 43]. Такая политика ведет к ранжированию регионов по степени значимости, что для региона оборачивается соответствующей степенью автономии и инициативы при решении актуальных проблем регионального развития. Между тем роль национальной территории заключается не только в сохранении этнокультурной идентичности. *Развитая в социальном и экономическом плане национальная территория представляется перспективной моделью адаптации этносоциальных, культурных, религиозных, этнохозяйственных традиций к современным условиям, возможности предупреждения негативного влияния глобальных факторов.*

Проблемы федеративных и национальных отношений, региональной политики и местного самоуправления являются тесно взаимосвязанными, что обуславливает необходимость учитывать сложность и многообразие общественных и политических отношений, исторически и объективно сложившихся в нашей стране. Противоположный подход стремится к упрощенному представлению о состоянии и динамике этих отношений и, как следствие, к унификации и централизации управления социально-политическими процессами. В данном случае политика отстает от понимания сложности современного общества, что в целом ведет к снижению эффективности государственного управления, региональной политики и местного самоуправления.

Список литературы

- Водовозов В.* Всеобщее избирательное право и его применение в России // Политические институты, избирательное право и процесс в трудах российских мыслителей XIX–XX вв. – М.: РОИИП, 2009 – С. 507–536.

- Медведев Д.А.* Выступление Президента РФ Д.А. Медведева на заседании Совета по содействию развитию институтов гражданского общества и правам человека 19 мая 2010 года. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/transcripts/7792>
- Выступления делегатов и гостей Второго съезда Ассамблеи народов Башкортостана, 11 июня 2009 года, Конгресс-Холл, [Уфа]. – Уфа: Мир печати, 2009. – 188 с.
- Дзуцев Х.В.* Оценка населением эффективности деятельности органов исполнительной власти Республики Северная Осетия – Алания Северо-Кавказского федерального округа Российской Федерации. – М.: ИСПИ РАН, 2010. – 176 с.
- Доктрина регионального развития Российской Федерации: Мини-проект / Сулакшин С.С. и др. – М.: Научный эксперт, 2009. – 256 с.
- Карсавин Л.П.* Государство и кризис демократии // Новый мир. – М., 1991. – № 1. – С. 183–193.
- Паин Э.А.* Этнополитический маятник: Динамика и механизмы этнополитических процессов в постсоветской России. – М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 2004. – 326 с.
- Панкевич Н.В.* Диспропорции регионального развития РФ: проблема без решения? // Политическая наука. – М.; ИНИОН РАН, 2009. – № 2: Региональная политика и развитие территорий в условиях административно-политической реформы 2004–2008 гг. – С. 35–49.
- Росстат. – Режим доступа: <http://www.gks.ru>
- Смирнягин Л.* Актуальна ли проблема асимметрии в современной России? // Федерализм и этническое разнообразие в России: Сб. ст. / Под ред. И. Бусыгиной и А. Хайнеманн-Грюдера. – М.: РОССПЭН, 2010. – С. 44–59.
- Трофимова И.Н.* Становление и развитие местного самоуправления в республиках Поволжья в 90-х гг. XX в. – М.: Социально-политическая мысль, 2008. – 220 с.
- Чернышов А.Г.* Конструирование современной российской власти и управление территориями: Федеральные и региональные аспекты // Политическая наука. – М.: ИНИОН РАН, 2009. – № 2: Региональная политика и развитие территорий в условиях административно-политической реформы 2004–2008 гг. – С. 27–34.
- Чурикова А.Е.* Региональные элиты России: Учеб. пособие. – М.: Аспект-Пресс, 2010. – 271 с.
- Migdal J.* Strong societies and weak states: State-society relations and state capabilities in the Third world. – Princeton: Princeton univ. press, 1988. – 296 p.
- Ross C.* Local politics and democratization in Russia. – N.Y.: Routledge, 2008. – 270 p.
- Stoner-Weiss K.* The Russian central state in crisis: Centre and periphery in the post-soviet era // Russian politics: challenges of democratization / Z. Barany, R.G. Moser. (eds.). – Cambridge: Cambridge univ. press, 2001. – P. 103–134.